

Моск. Комсомолец. - 1999. - 22 февр. - С. 7

БУДКА СУФЛЕРА

вом, заменяющим «застой». Сейчас все пустились торговать, организовывать свои фирмы, когда меня спросили: «А вы бы стали торговать?», я ответил: «Чем, ухом?» Оно мне самому не нужно, а значит, никому не нужно. Что еще можно сказать, все становятся другими потихоньку.

— У нас всегда жили собаки. Доня — первая, она не так давно умерла. Сын, когда еще был студентом и отдыхал в доме отдыха, подобрал ее. Она жила у него в номере. А когда собрался уезжать, она

— Хотел, конечно. Я хотел бы «Дни Турбиных» поставить. Сейчас мне и играть-то нечего. Сейчас бы и поставил. Но Андрюша ничего слушать не хочет. И так было всегда. Вот Женька — внук мой — маленький такой, он всех любит.

— Мои отношения с властью? Какие-то были, но не в такой степени страшные, как у других. Мы сняли картину «Тридцать три», и ее положили на полку, объявив произведением идеологической диверсии. Она пролежала на полке 24 года. Я думаю, что все плохое отразилось на Даниели, режиссере. И мне немножко досталось, но меньше, чем ему, я ведь артист — шут гороховый. Вот однажды ехал в поезде, встретил помощника нашего министра культуры, который сказал: «Я так хохотал, так хохотал, когда смотрел «Тридцать три».

АПЛОДИСМЕНТЫ

Полгода назад мы сидели в обшарпанном московском подъезде на металлических ящиках радиостов, а вокруг сустились киношники. У киношников, как всегда, что-то не клеилось. Получился часовой антракт, и мы спокойно могли говорить с Евгением Павловичем Леоненным.

НА ДОРОГУ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЗИМЫ В ЛЕТО

пошла его провожать. Сидела на перроне, сидела, а как стали двери закрываться, она и в прыгнула в вагон. Он ее привез. Рыжая, любила нас очень. И вот она умерла. А через некоторое время друг сына Дубровский приносит собаку и говорит мне: «Это овчарка». Я испугался: «Она дернет, у меня зад отвалится». Сын забрал ее себе, но у него однокомнатная квартира, тесно. Когда собака заболела, он привез ее к нам. С тех пор Тимошка живет у нас. У нас все собаки Тимошки.

— Евгений Павлович, почему вы написали книгу «Письма к сыну»? Не рано ли?

— А я не написал бы, если бы мне не предложила «Молодая гвардия». Она, по-моему, всем предлагает. У всех есть книги — у Ульянова, Данового, Дорониной. Я вначале отказался, потом согласился, и

получилось такое дело. Они прочитали, им не понравилось. Сказали: «Грустно получилось».

У нас хорошие отношения с сыном. Но он стал нервный, может, после смерти моей. Я любил его всегда, и сейчас люблю. Но у него свои взгляды — он не хочет вместе со мной сниматься в кино. Он считает, что люди потом скажут: «Это отец тебя устроил».

— А вы бы хотели?

Как хохотал? Он же один из первых топтал ленту. А он говорит: «Одно дело смотреть как человек, другое — как генерал».

Конечно, что-то я знал, много ездил по стране, ночевал в обкомовских домиках. Но если я сейчас буду говорить про них дурное, то скажут: «Эка сволочь, ночевал все-таки там, а сейчас ругаешься».

Раньше мой дом был проходным двором. Все на кухне спорили, курили, поддаться могли. А сейчас... Сейчас я больше один. Нет, я хорошо себя сейчас чувствую. Но, может, старость, раньше вот друзей было много, которые оказались не друзья, а так, приятели. Но два друга у меня остались.

— Грустно говорим. Может быть, вы устали, Евгений Павлович?

— Раз я согласился на интервью, значит, не устал. Могу вам даже подарить кусок уха, хотите?

— С автографом, пожалуйста.

— С автографом. Ишь хитрая какая... Гроб утонул в цветах. Венки ставили рядами. Людской поток на улице Чехова упирался в Садовое кольцо. 1 февраля великого русского актера Евгения Леоненна провожали аплодисментами. Бесконечно...

Марина РАЙКИНА

— Да я уже все рассказал — и про жизнь, и про смерть, — сказал Евгений Павлович.

А потом вышло интервью.

— Хорошее, большое, — сказал Евгений Павлович.

И я так и не понял: то ли похвалил, то ли...

А потом его не стало... Я достала расшифровку летней беседы. То, что не вошло в мое интервью, сегодня, оказалось, читается иначе. Сегодня все по-другому...

— Сейчас я снимаюсь в картине «Американский дядюшка», кажется, это условное название. Я, то есть мой герой, приехал в Россию весело умирать. Он так говорит: «Надо весело умирать, пока я здрав». Вообще об этом глупо задумываться. Она (смерть) сама придет. И лучше не готовиться. Надо жить. Так уж вышло в нашем обществе, что все время про будущее говорили. А почему не просто жить? Читать, дышать, спектакли хорошие смотреть?

— А не так жили?

— Я всю жизнь работал. Как проклятый.

— Жалеете?

— В какой-то степени. Я мало отдыхал. Летом съемки...

— И семье, наверное, недодавали?

— Нет, я давал. Я любил свою семью. Андрюшу, сына. Я семейный человек, домашний.

— Разве не страшно, живя, думать о том, что опять придет такое время, которое мы оправдаем новым другим сло-

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.